

сит довольно общий характер и несколько упрощает проблему происхождения белорусов. Проведенные в Беларуси исследования традиционной культуры свидетельствуют о ее более сложной этнографической характеристике. В частности, это показывает историко-этнографическое районирование традиционной материальной культуры XIX — начала XX в., предпринятое В. С. Титовым¹, который выделяет — и не без оснований — шесть регионов: Северный (Поозерье), Восточный (Поднепровье), Центральный, Северо-Западный (Понеманье), Восточное и Западное Полесье. Надо полагать, что особенности этих регионов проявились и в средневековье. Во всяком случае сопоставление данных М. Ф. Пилипенко и В. С. Титова было бы полезным.

Автор рецензируемой монографии не считает лишь «полешуков» и «белорусцев» предками белорусского этноса. Он по-новому оценивает и роль неволостнославянских этнических групп в процессе происхождения белорусов, указывая на участие в этом процессе поляков, балтов, причем не только восточных (литвы, латыголы), но и западных (прусов, жемайтов, ятвягов), а также татар.

Безусловно, есть основания говорить об участии неславянского населения в этногенезе белорусов. Однако предложенное решение этого вопроса довольно спорное. Особое сомнение вызывает тезис о том, что влияние на этот процесс — хотя и небольшое — оказали татары. Нужна более убедительная аргументация, чем та, которая предложена в книге. Приведенные названия поселений, фамилии, термины татарского происхождения еще не доказывают изменений во всем этносе под влиянием татар. Очень уж локальным было взаимодействие отдельных групп татар с местным населением.

Убедительно показаны в книге причины, под воздействием которых образовалась Беларусь. В числе основных выделены консолидация местного населения в борьбе против немецких крестоносцев и татар, активное экономическое развитие в позднем средневековье регионов Немана, Минска, Могилева и установление тесных связей с этими регионами поприпятских и подвинских земель, а также политическое объединение белорусских земель в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском государствах.

Свои взгляды М. Ф. Пилипенко отстаивает в полемике с другими исследователями данной проблемы — В. В. Седовым, Е. Ф. Карским, В. И. Пичетой, М. Я. Гринблатом. Так, рассматривая концепцию В. В. Седова о появлении белорусов в результате синтеза славянских и балтских традиционных культур и языка, автор доказывает, что основные культурные и языковые элементы балтского происхождения, которыми оперирует В. В. Седов: почитание ужей и камней в традиционной религии белорусов, женский головной убор (наметка), несшитая поясная одежда (понева), лапти прямого плетения, столбовая техника возведения построек, ряд черт белорусской фонетики (твердый «р», смягченное «д», аканье) — имели гораздо больший ареал распространения, чтобы являться субстратными только для белорусов. Подводя итог полемике с названными учеными, М. Ф. Пилипенко отмечает, что спорность их концепций вытекает из того, что они игнорировали в своих доказательствах такой важный этнический признак как этническое самосознание, а также роль диффузии в этнических процессах, перегруппировку элементов языка и культуры, сводя эти процессы только к эмиграции или эволюции. Они также не учли данных экономической и политической истории (В. В. Седов, М. Я. Гринблат), этнографии и антропологии (В. И. Пичета).

Не отрицая роли диффузии в этнических процессах, мы полагаем, что М. Ф. Пилипенко преувеличивает ее значение, особенно в древнерусский период этнической истории белорусов, не учитывая устойчивую оседлость основной массы населения, ведущего натуральное хозяйство, неразвитость коммуникаций, ограниченность их преимущественно вербальным общением.

Хотя решение ряда проблем, поставленных в книге, дискуссионно, выводы автора не всегда достаточно аргументированы, она представляет серьезный вклад в изучение этногенеза белорусского народа.

И. Н. Браим

Примечания

¹ *Ермаловіч М. І.* Старажытная Беларусь: Полацкі і Новагародскі перыяды. Мінск, 1990; *его же.* Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1991.

² См.: *В. С. Титов.* Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX — начало XX в. Минск, 1983.

© 1991 г., СЭ, № 6

М. Г. Туров. Хозяйство эвенков тундрной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX века (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. 176 с.

Монография М. Г. Турова посвящена анализу хозяйств одного из малочисленных народов Сибири — эвенков в конце XIX — начале XX в. На ее страницах дается развернутая характеристика различных видов производственной деятельности, места последних в общей системе хозяйства, выясняются главные принципы освоения среды. В книге содержится богатый материал о конкретных способах адаптации, рациональных знаниях эвенков, о таких элементах жизнеобеспечения, как поселения, жилище, пища. Содержание книги объемнее ее названия, поскольку в ней рассматриваются не только хозяйство, в традиционных обществах тесно взаимосвязанное с природопользованием, но и многие стороны материальной культуры. Работа М. Г. Турова вписывается в экологическую тематику этнографических исследований, активно разрабатываемую в советской этнографии с 1980-х годов как в преимущественно теоретическом (Ю. В. Бромлей, Р. Ф. Итс, В. И. Козлов и др.), так и в преимущественно эмпирическом аспектах (например,

И. И. Крупник). Что касается эвенков, то в их изучении такой подход в наиболее полном объеме применен в рецензируемой монографии практически впервые. Правда, в исследованиях С. М. Широкогорова и В. В. Карлова, посвященных главным образом социальной организации забайкальских и енисейско-ленских эвенков, этим вопросам также уделено достаточное внимание, поскольку основной предмет их изучения не мог быть понят без анализа хозяйственных особенностей и способов адаптации к природной среде.

М. Г. Туров продолжил и развил лучшие традиции иркутских этнографов, чьи работы были хорошо известны в стране в 1920—1930-е годы. Среди этих традиций следует назвать выбор собственно тунгусоведческой проблематики (в то время она была представлена работами И. П. Копылова, Н. Попова, П. Г. Полтаряднева, В. И. Подгорбунского, Б. Э. Петри, Е. И. Титова и др.); особый интерес к хозяйству, материальной культуре, землепользованию; попытки комплексного подхода к изучению указанных вопросов, использование полевых материалов, составляющих фактологическую основу исследований.

Объектом научного интереса автора являются эвенки таежной зоны Средней Сибири (район Енисейско-Ленского междуречья). Выбор этот вполне обоснован, во-первых, малоизученностью этой территориальной группы эвенков, а во-вторых, тем, что сходные природно-климатические, ландшафтные условия определили формирование общего хозяйственно-культурного уклада охотников-оленоводов тайги, обусловили способы их адаптации к среде обитания и заставили выработать в процессе этой адаптации некоторые общие принципы освоения угодий.

Цель работы состояла в «реконструировании принципов хозяйствования, характеризующих динамику и основные формы взаимодействия эвенкийских охотничьих групп со средой обитания и ... раскрывающих механизм хозяйственного освоения территории их расселения» (с. 6).

Основу исследования составили полевые, архивные и литературные материалы. Полевые наблюдения проводились М. Г. Туровым в длительных стационарных экспедициях среди эвенков чунской и ербогаеченской групп (бассейны Ангары и нижнего и среднего течения Нижней Тунгуски). В Сибири еще бытуют многие производственные традиции, а хозяйство сохраняет традиционную основу, с чем связано повышенное внимание к нему исследователей, задавшихся целью осветить неясные или спорные моменты, относящиеся к этой теме. Полевые материалы автора в данном аспекте практически впервые вводятся в широкий научный оборот.

Книга состоит из предисловия, четырех глав и заключения, а также списка литературы, фото- и иллюстративного материала, данного в тексте.

Первая глава представляет собой историографический очерк изучения хозяйства у среднесибирских эвенков. Рассматривая в исторической ретроспективе литературу, относящуюся к данной теме, М. Г. Туров пытается выделить этапы в ее изучении. При этом, по-видимому, лишь невнимательностью автора можно объяснить тот факт, что третий и четвертый этапы фактически не разграничены между собой (с. 17—19). М. Г. Туров считает возможным выделить тунгусоведение в качестве отрасли этнографической науки уже с первой половины XIX в. (с. 14), что, на наш взгляд, необоснованно. Скорее следовало бы говорить об особой роли, которую сибирский регион и населяющие его народы (в частности, тунгусы) сыграли в становлении российской этнографии.

Эти общие замечания не относятся к существу исследуемого вопроса; проделанный автором анализ литературы свидетельствует о том, что в области традиционной этнографии все еще остается обширное поле деятельности, особенно если подходить к привычным темам с нестандартных позиций.

Вторая глава посвящена традиционным видам промыслово-хозяйственной деятельности и определению их места в системе производственного освоения таежных угодий.

Соотношение основных хозяйственных занятий эвенков таежной зоны Средней Сибири (охота, оленеводство, рыболовство) в разные периоды не было одним и тем же. Так, к концу XIX — началу XX в. наиболее ясно проявилось влияние товарно-денежных отношений, повлекшее за собой заметные изменения в специализации эвенкийского хозяйства. Они выразились, прежде всего, в возрастании значения пушной охоты в хозяйственной деятельности и вызванных этим последствиях: более быстрым внедрением новых орудий промысла, стимулированным потребностями пушной охоты; в возрастании роли и значения оленеводства в комплексном хозяйстве эвенков и другими.

Глава разделена на подразделы, в которых отдельно рассматриваются потребительская (мясная) охота, пушная охота, рыболовство; специальный раздел посвящен орудиям промысла.

М. Г. Туров задается целью выяснить характер и степень влияния экологической среды на технологию и организацию основных видов промыслово-хозяйственной деятельности. В связи с этим он привлек данные биологов по экологии лося, дикого северного оленя, соболя и белки, служивших основными объектами потребительской (мясной) и пушной охоты в рассматриваемое время. Справедливо полагая, что эвенки прекрасно знали особенности экологии этих животных (местообитание, размер популяции, кормовую базу и др.), М. Г. Туров отмечает, что природная среда играла основополагающую роль в их хозяйственной ориентации, а степень подвижности эвенкийских хозяйственных групп определялась как экологическими особенностями среды, так и ориентацией хозяйства на потребности рынка. Последнее обстоятельство обусловило значение пушной охоты в хозяйстве эвенков в конце XIX — начале XX в. Именно с пушной охотой (на белку) связаны наиболее дальние передвижения эвенкийских охотников, иногда удалявшихся от мест постоянного обитания до 800 км (с. 53). Что касается традиционной для эвенков мясной охоты, то она вовсе не требовала, по расчетам автора, столь значительных передвижений и постоянная территория размером не более 75 тыс. га могла обеспечить необходимым количеством мясной пищи группу из 20—30 человек.

Пытаясь определить реальную роль рыболовства в хозяйстве эвенков в рассматриваемое время (в связи с разноречивостью мнений об этом в специальной литературе), М. Г. Туров предпринял анализ экологических условий региона, а также пищевого баланса эвенков, специально выделяя продукты рыболовства в их рационе. Этот анализ привел его к заключению, что «с июля по сентябрь

и даже в начале октября свежая рыба входила в состав пищевого рациона эвенков как первостепенный продукт» (с. 74).

Нужно заметить, что роль рыболовства в системе жизнеобеспечения некоторых групп среднесибирских эвенков особенно возросла именно в конце XIX в., когда по разным причинам другие отрасли хозяйства недостаточно удовлетворяли потребности в пище. Кроме того, очевидно, что у разных территориально-соседских общин эвенков на огромных пространствах таежной зоны Средней Сибири с их местными, локальными особенностями и конкретной экологической обстановкой, удельный вес и значение рыболовства в жизнеобеспечении не могут быть объяснены только потребностями и условиями ведения охотничьего промысла. Впрочем, их нельзя понять, не учитывая также роли оленеводства.

Описание приемов и способов охоты и рыболовства, анализ пищевого рациона, предпринятые М. Г. Туровым, имеют самостоятельное значение и ценность. Тем досаднее, что при анализе пищевого рациона автор не нашел места для отражения действительной роли и значения в нем мучной пищи, а следовательно, и степени интеграции эвенков в товарные связи и отношения. С. М. Широкогоров, например, по этому поводу отмечал, что в начале XX в. все традиционные отрасли хозяйства забайкальских эвенков, взятые в совокупности, не обеспечивали их необходимым для потребностей организма количеством пищи.

Анализу транспортного оленеводства эвенков таежной зоны Средней Сибири М. Г. Туров посвятил отдельную главу, что представляется правомерным, исходя из той роли, которую стала играть эта отрасль эвенкинского хозяйства в рассматриваемое время.

Территория Средней Сибири включает в себя различные природно-климатические и ландшафтные зоны. Оленеводство эвенков таежной зоны Средней Сибири исторически относится к таежному типу. Внутри этого типа Г. М. Василевич выделила два подтипа: эвенкинский (транспортный), для которого характерны небольшое стадо, использование оленя под вьюк, ограничение верховой езды, кочевание, подчиненное нуждам охоты и рыболовства, и ороченский подтип (относительно большое стадо и передвижения преимущественно для обеспечения оленей кормом).

Условность разделения оленеводства эвенков на два подтипа давно замечена исследователями. М. Г. Туров проанализировал критерии, положенные Г. М. Василевич в основу их выделения, и также пришел к заключению, что в конце XIX — начале XX в. эти подтипы в чистом виде уже не существовали, что было связано с интенсификацией пушного промысла, потребовавшего увеличить размеры оленьих стад (с. 83—85).

Изменения, происшедшие в рассматриваемое время в жизни эвенков региона, сделали соотношение традиционных отраслей хозяйства сложной системой. В итоге М. Г. Туров, прослеживая формы сезонного использования оленей и методы ухода за ними, приходит к выводу, что «бродячий образ жизни эвенков имел принципиально важное значение для обеспечения нормального функционирования как промысловой, так и оленеводческой отраслей хозяйства» (с. 123).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет заключительная, четвертая глава — «Хозяйственная территория, ритм и общие принципы хозяйственного освоения таежных угодий». Заслуживает внимания сама постановка вопроса. В рецензируемом исследовании с целью выявления основных принципов освоения угодий впервые обращается внимание на ритм трудовой деятельности и на те границы (хозяйственная территория), в которых она протекает.

По определению автора, хозяйственная территория включает в себя «весь комплекс охотничьих, рыболовных, пастбищных и прочих угодий, в течение длительного времени осваиваемых обособленной группой «бродячих эвенков»» (с. 124). Сюда М. Г. Туров относит и поселения, и связанные с ними постройки.

Исследуя вопрос о ритме трудовой деятельности, М. Г. Туров анализирует эвенкинский традиционный календарь. Он приходит к выводу, что этот календарь является фенологическим, а не строго хозяйственным, что указывает на вариативность в выборе хозяйственных занятий и их тесную зависимость от конкретных природно-климатических изменений. В зависимости от ритма трудовой деятельности автор выделяет приуроченные к определенным местам комплексы долговременных и кратковременных кочевых поселений (стойбищ и стоянок), совокупность которых представляется исторически сложившейся, упорядоченной системой (с. 133).

В настоящее время отсутствует общепринятая детальная классификация скотоводческого хозяйства, с чем связана нечеткость в толковании многих терминов, в том числе относящихся к названию тех или иных поселений. Анализируя «годовой цикл кочевья», автор использует для наименования поселений такие термины, как «стоянка», «стойбище», «временная стоянка», «кратковременная стоянка», «долговременное стойбище», «кратковременное стойбище». При этом М. Г. Туров не уточняет критерии, которые лежат в основе их выделения. Из контекста можно понять, что таким критерием преимущественно является продолжительность обитания людей в поселениях. В то же время автор часто использует термин «стоянка» как синоним термина «стойбище», и наоборот (с. 135, 136, 146, 147, 149). Безусловно, этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении, однако автору в данном случае следовало бы специально оговорить, что он подразумевает под тем или иным термином, ибо небрежность в их использовании приводит к нечеткости восприятия положений автора.

В главе даны подробные описания различных типов кочевых поселений и связанных с ними сооружений, причем особое внимание уделено их сопряженности со средой обитания, адаптивным свойствам.

В то же время нельзя обойти вниманием и некоторые неточности, встречающиеся в рецензируемой книге. Они проистекают, по-видимому, из самой специфики исследуемой темы, когда реконструкция не в состоянии учесть всего многообразия региональных вариантов хозяйства, о чем говорит и сам автор (с. 5).

Так, например, нашими материалами не подтверждается тот факт, что конструкция весенней и осенней оленьих изгородей у эвенков таежной зоны Средней Сибири ничем не отличалась одна от другой (с. 151). Разница в конструкции представляла собой наглядный пример адаптации к различным условиям строительства. Весной, когда земля была еще мерзлой, поперечные жерди изгороди укладывались в специальные выемки-зарубки на любой опоре естественного происхождения. Осенью, напротив, поперечные жерди укладывались в развилку трех кольев, вбитых в землю крест-накрест (последний способ как единственный и описан у М. Г. Турова). Для покрытия корьевых чумов наряду с корой лиственницы использовали и кору ели, которую снимали с деревьев не в начале осени (с. 152), а ранней весной, когда «сок с деревьев капал». Подобные неточности встречаются в заключительной главе книги (с. 148).

В конце XIX в. И. И. Майнов писал: «Главная трудность при исследовании тунгусов состоит в том, что эти люди почти круглый год блуждают вразброд по каким-то неведомым дебрям»¹. Все исследователи эвенкийской кочевой культуры так или иначе стремились понять принципы и смысл «бродяжничества» тунгусов (как, впрочем, и других народов Севера со сходным хозяйственно-культурным типом). Такое понимание невозможно без глубокого анализа взаимоотношений этноса со средой обитания, особенно в традиционных обществах Севера.

М. Г. Туров пришел к важному выводу, что «бродяжничество» эвенков — не более чем условность, так как освоение среды происходило в ходе упорядоченного, прогнозируемого освоения территории (с. 155). Подобные утверждения, не подкрепленные столь же вескими доводами и аргументами, высказывались еще в 1930-х годах².

Среди основных принципов освоения угодий М. Г. Туров называет регуляцию кочевания, его обусловленность на протяжении года природными циклами; повторяющиеся смены кочевого и оседлого образов жизни; плановость и периодичность смены районов обитания при кочевании в пределах постоянных территорий; колебания в интенсивности освоения каждого из природных источников продуктов и сырья. Безусловно, автор выполнил свою задачу, выяснив общие принципы освоения угодий на основе скрупулезного анализа различных видов хозяйственной деятельности, и остается только сожалеть о том, что он не попытался пойти дальше и связать их с социальной организацией эвенков.

Принципы освоения среды, сложившиеся на основе длительного экологического опыта в ходе хозяйственного использования территории, не потеряли своего значения и теперь. Они должны быть максимально учтены в современных условиях, поскольку представляют собой ценные традиции. Поэтому наблюдения и выводы, содержащиеся в книге, не только имеют научный интерес для этнографов, экологов, но могут быть полезны практическим работникам, призванным учесть традиционный опыт природопользования в современных условиях техногенного прессинга на северные территории.

Книга М. Г. Турова — вдумчивое, серьезное исследование, вносящее заметный вклад в изучение этнографии народов Сибири.

А. А. Сирина, С. С. Савоскул

Примечания

¹ *Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929; Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982.*

² *Shirokogoroff S. M. Op. cit. P. 28.*

³ *Андрюанов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985. С. 42.*

⁴ *Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Тр. Восточно-Сибирского отдела РГО. № 2. Иркутск, 1898. С. VI.*

⁵ См., например: *Левин М. Г. Стационарная работа среди кочевого населения // Советский Север. 1932. № 4.*

© 1991 г., СЭ, № 6

В. С. У а р з а т и. Культура Осетии: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990. 190 с.

Взаимные контакты народов и культур играют выдающуюся роль во всемирно-историческом процессе. Реализуясь в разных формах и различными путями, они способствуют поэпийменной передаче положительного этнического опыта, обогащают и усложняют человеческую культуру и в целом способствуют прогрессивному развитию мировой цивилизации. Отсюда давний научный интерес как к локально-конкретному изучению исторической динамики и результатов этнокультурных контактов, так и к теоретическому осмыслению механизмов и факторов межэтнического взаимодействия.

Исследование В. С. Уарзати, сочетающее оба аспекта названной проблемы, посвящено одному из ареалов интенсивного межэтнического взаимодействия, сложившемуся на территории Центрально- и Северо-Западного Кавказа. Избрав главным объектом исследования традиционно-бытовую культуру осетин, автор рассматривает ее в контексте культурных связей с другими народами региона, в основном с соседними, имеющими общую с осетинами этнотерриториальную границу. Это предопределило основные сюжетные блоки рецензируемой монографии — она состоит из четырех разделов, в которых анализируются контакты осетин с абхазами и абазинами, адыгами, карачаевцами и балкарцами, горцами Грузии. Однако вызывает крайнее недоумение отсутствие раздела, посвященного кон-